

Они никогда не встречались. Да и не могли.

Губанов, конечно, знал о Пастернаке: когда на весь мир разворачивается травля за роман «Доктор Живаго» и происходит шумная история с получением Нобелевской премии, трудно всего этого не замечать. И всё-таки надо учитывать возраст. К 30 мая 1960 года Губанову было всего 13 лет.

Андрей Журбин в своей монографии, конечно, пишет, что «как и в случае со сведениями о том, что Лермонтов присутствовал на похоронах Пушкина, есть неподтверждённые данные о посещении Губановым похорон Бориса Пастернака», но надо признать: ситуация маловероятна. Если бы это случилось, отразилось бы в стихах или же отложилось в мемуарах.

Есть лишь отголоски – в стихотворении «На смерть Бориса Пастернака»^{*}:

А кладбище покрыто копотью,
и нет спасенья от копыт,
с окостеневшим криком – кто тебя?! –
тюльпаны лягут на гранит.
Мы треугольники вбиваем,
чтоб камень с камнем породнить,
мы даже смелыми бываем,
когда зовут похоронить.

^{*} Губанов Л.Г. На смерть Бориса Пастернака // «Я сослан к Музе на галеры...» – М.: Время, 2003. – С. 336.

Но здесь не прямое видение похоронной процессии, а скорее взгляд на современников и на советских людей в целом. Вероятно, в последних двух строчках можно разглядеть ироничную шпилечку в адрес Андрея Вознесенского, который, как тогда казалось, взвесив все репутационные риски, не пришёл на похороны своего учителя.

Датировка текста вызывает вопросы. Название названием, но точных данных, когда стихотворение было написано, нет.

Зато есть другие свидетельства. Проходит год-другой – и Губанов становится завсегдаем переделкинской дачи. Всё началось со встречи с Евгением Пастернаком. Тот пришёл на могилу отца и обнаружил мальчишку, мирно спящего на лавочке. Растолкал его. Они познакомились и разговорились. Юный поэт* поведал, что вместе с классом отправился в туристический поход по ближайшему Подмосковию, но отбил от группы и решил заночевать на могиле своего кумира.

После этой встречи Губанов регулярно приезжал в Переделкино. Как правило, на мемориальные даты. Но мог выбраться и спонтанно. В 1964 году появляется стихотворение «Вдвоём», где есть такие строчки:

Я стар своей большой любовью,
и день любой её мне дорог.
Твой поцелуй тяжёл и долог,
а сладок только болью, болью.
Я в Переделкино, я в соснах,
которым сослепу не видно –
когда ты любишь, ты несносна,
а если нет – непоправима.

Евгений Пастернак вспоминал, что были и знаменательные встречи: «Он приходил несколько раз на какие-то общие праздники; встретился у нас с Андреем Донатовичем Синявским**, который, сидя на корточках на полу (так сидели, рядышком), долго его слушал; ну и как литературный требовательный критик, сказал ему, что нужно работать, нужно усовершенствоваться*** <...> тогда мы <...> были с [Синявским] знакомы,

* Губанов начал читать стихи о протекающей по Переделкину речке Сетунь. Евгению Пастернаку казалось, что молодой человек сочиняет их на ходу, экспромтом. Это было действительно свойственно Губанову. Так или иначе, большую поэму «Сетунь» мы можем найти в сборнике «Я сослан к Музе на галеры...».

** Там же, в переделкинском доме, надо полагать, состоялось знакомство и с другим исследователем – с В.М. Борисовым. Он работал над комментарием к «Доктору Живаго». Владимир Алейников писал: «Вспоминаю время, когда Дима, вместе с Евгением Борисовичем, старшим сыном поэта, готовил к изданию сочинения Пастернака, писал статьи, составлял обширные комментарии». – Подробнее см.: Алейников В.Д. СМОГ // Собрание сочинений в восьми томах. – М.: Рипол-Классик, 2015. – Т. 6. С. 368.

*** О тщательности, с которой Губанов работал над своими текстами, писала Н. Шмелькова: «Некоторые поклонники губановской поэзии все-таки считали, что у него много поспешного, проходного, что как поэт он до конца не реализовался. Никаких советов и замечаний Леня не принимал. Он и сам знал, что хорошо сделано, а что нет. Помню, позвонил он мне поздно вечером, сказал, что хочет прочесть что-то новое. Читал, почти не прерываясь, около часа. Я услышала цикл блестяще отработанных стихотворений. А когда выразила восторг, он спокойно сказал: “Я и сам знаю, что это удачно”. И добавил: “Над стихами, конечно, надо работать, как учил этому Пастернак”». Подробнее см.: Шмелькова Н. Во чреве мачехи, или жизнь – диктатура красного. – М., 1999. – С. 120–121.

потому что он писал предисловие к первому серьёзному посмертному изданию Пастернака в Большой серии “Библиотеки поэта”».

Владимир Батшев дополняет картину и отмечает, что Губанов тогда знал всю старую литературную Москву и водил друзей-поэтов по салонам Лили Брик и Рюрика Ивнева, заезжал в гости к Евгению Пастернаку* и Алексею Крученых.

В середине октября 1964 года Хрущёв уходит со своего поста. За несколько дней до этого информация уже просачивается в народ. Губанов узнаёт об этом от своей матери, работницы ОВИРа, и звонит другу и поэту Владимиру Алейникову. Тот вспоминал, что тут же было принято решение посетить могилу Пастернака. Быстро собрались и выехали. По пути забежали в продуктовый магазин и взяли вино. Встретились на станции метро «Киевская» и сели в электричку до Переделкина.

Было волнительно. На следующее утро должна была начаться новая эпоха: ещё одна попытка для оттепели или ещё большие заморозки – это вопрос. Важным оставалось – встретить новый день в знаковом месте.

И вот они прибыли на станцию, дошли до могилы. Алейников рассказывал** : «Мы пили не только вдвоём – пили и с Пастернаком, – смеялись, плакали оба – и звали, звали его. Он пришел. Он, конечно, пришел. Мы курили – вместе, втроём. Говорили – вместе, втроём. Как не вспомнить было тогда? – ...пока я с Байроном курил, пока я пил с Эдгаром По...»*** Последняя строка – из самого Пастернака, из его стихотворения «Про эти стихи» (1917):

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь форточку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?

Кто тропку к двери проторил,
К дыре, засыпанной крупой,
Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По?

Пока в Дарьял, как к другу, вхож,
Как в ад, в цейхгауз и в арсенал,
Я жизнь, как Лермонтова дрожь,
Как губы в вермут окунал.

В январе 1965 года возникает поэтическая группа СМОГ («самое молодое общество гениев»), в манифесте которого значилось: «Рублев и Баян,

* В архиве Е.Б. Пастернака остались рукописи и машинописи стихотворений Л.Г. Губанова – «Гусли», «Блокада», «Палачам», «Преображение» и др. (РГАЛИ, ф. 379, оп. 6, ед. хр. 921).

** Алейников В.Д. Тадзимас // Собрание сочинений в восьми томах. – М.: Рипол-Классик, 2015. – Т.5, С. 340–341.

*** Андрей Журбин находит вариацию Губанова на эти пастернаковские строчки: «Дай, Лермонтов, мне трубку, я набыю, /.../ Дай, Лермонтов, мне рюмку, я допью...» звучит более неформально и дерзостней, чем «Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд...» в «Молитве перед поэмой» из «Братской ГЭС» эстрадника [Евтушенко]. Это уже в духе пастернаковского «Про эти стихи»: «Пока я с Байроном курил, / Пока я пил с Эдгаром По». Подробнее см.: Журбин А.А. Отраженья зеркальных осколков: заметки о жизнотворчестве Губанова – Астрахань: ГП АО «ИПК “Волга”», 2013. – С. 47–48.

Радищев и Достоевский, Цветаева и Пастернак, Бердяев и Тарсис* влились в наши жилы как свежая кровь. И мы не посрамим наших учителей).

Шестидесятники, чертковцы, ахматовские сироты приходили в литературу и шли на прямой контакт с поэтами Серебряного века. Им было важно донести «теплоту рукопожатия» до массового читателя, то есть издать своих учителей и забытых или запрещённых поэтов. Смогисты же изначально выбрали иную парадигму – внесоветскую (не антисоветскую, а именно внесоветскую).

У Губанова было:

Я вам не белый и не красный
Я вам – оранжевый игрок.

Им было важно выйти из культурного поля СССР. Поэтому-то в манифесте и возникает столь одиозный список: Рублёв и Баян с явным национальным оттенком, вольнодумцы Радищев и Достоевский, серебряновековские Цветаева и Пастернак, насильно вытолканные из страны Бердяев и Тарсис**.

Если посмотреть на столь различные и даже противоречивые литературные пристрастия молодых поэтов, опять-таки можно увидеть, что чуть ли не единственная консенсусная фигура для них – это именно Пастернак.

Юрий Кублановский писал в дневнике за 2008 года: «На могилу Пастернака поехал в первые же дни университетской учебы (сентябрь 64 г.). Евгений с женой благоустраивали могилу. Я с ходу понял, что это *сын* Пастернака, столь велико было сходство». То есть – за месяц до знаменательной поездки Губанова и Алейникова.

Последний в самом начале 1960-х читал и распространял по друзьям стихи из «Доктора Живаго», «фантазмагоричную» «Вакханалию», «Нобелевскую премию» и отчасти прозу. Почитал Пастернака (вместе с Мандельштамом, Цветаевой и... Ходасевичем) – другой смогист – Сергей Морозов. А тот же Кублановский, как и его старший коллега, в своей поэзии проделал путь от пёстрой метафоричности и сложности к предельной простоте.

В Пастернаке сошлось сразу несколько дихотомий – поэт и гражданин, еретик и помазанник Божий, авангардист и традиционалист. При жизни он стал символом не только вольнодумия и смелости, но и долготерпения и смирения. В этом плане характерно стихотворение не Леонида Губанова, а другого неподцензурного поэта – Глеба Горбовского – «Борису Пастернаку» (1959):

* Тарсис В.Я. (1906–1983) – советский писатель и диссидент. После появления его произведений на Западе 23 августа 1962 года был помещён в психиатрическую больницу. После выхода из неё в марте 1963 года вышел из КПСС и Союза писателей СССР. Был близок со смогистами: редактировал их журнал «Сфинксы» (1965). Лишён гражданства СССР 17 февраля 1966 года.

** Владимир Алейников подмечает одну характерную особенность Тарсиса в кругу смогистов: «В данном случае – воспоминание, да какое! – о Пастернаке. Сводилось оно, всегда, в любых обстоятельствах, к следующему: “Иду я как-то по улице Горького вверх, а навстречу мне, вниз, идет Пастернак. Поздоровались. «Как дела, Борис Леонидович? – спрашиваю его. – Чем заняты?» — «Да вот, Валерий Яковлевич, – отвечает Пастернак, – курить надо бы бросить!» – И дальше пошел. Какой человек! Простой в обращении. Без всякой заносчивости. Доверился мне. Рассказал о своей проблеме!..” Рассказ этот слышал я, наверное, раз десять». – Подробней см.: Алейников В.Д. СМОГ // Собрание сочинений в восьми томах. – М.: Рипол-Классик, 2015. – Т. 6. С. 223–224.

В середине двадцатого века
На костер возвели человека...
И сжигали его, и палили,
Чтоб он стал легче веснее пыли,

Чтобы понял, какой он пустяшный...
Он стоял – бесшабашный и страшный!
И стихи в голове человека
Стали таять сугробами снега...

Если посмотреть на неподцензурную литературную карту того времени, то мы увидим большое количество эссе о Пастернаке или стихотворений и посвящений ему. Назовём лишь несколько знаковых фигур – Галич, Вознесенский, Галимов, Седакова, Бобышев, Высоцкий. Для литературной послевоенной молодёжи Борис Пастернак – это символ культурного сопротивления.

У Губанова же восприятие чуть сложнее. Во-первых, прослеживается более интимное отношение к Пастернаку. В доме по улице Красных зорь в Кунцево висит целая фотогалерея любимых поэтов: Есенин с трубкой, Цветаева с бусами, Пастернак (в профиль), Хлебников в шапке.

В 1966 году Губанов и Алейников снимают дачу в Переделкине. Всё организовала Алёна Басилова – она присмотрела подходящий дом и договорилась с хозяевами об оплате. Алейников вспоминал: «...две небольшие комнаты, на втором этаже и на первом, в деревянном доме, с просторным участком, где густо росли высокие сосны, где был избыток зеленой травы, в том числе и крапивы, где близко, за шатким, условным забором, за откосом, поросшим цветами, проносились, крича, электрички, нарушая время от времени подмосковную тишину...» К ним в гости заглядывали Генрих Сапгир, Наталья Горбаневская, Вадим Гинзбург, Борис Дубовенко и, конечно, смогисты:

Приезжали сюда – смогисты.
Доморощенные артисты.
Кто – с гитарой, кто – со стихами,
кто – с бутылкой, кто – налегке.
Были – всякие. Налетали.
Нашумевшись всласть, замолкали.
Вспоминать их надо едва ли.
Исчезали все – вдалеке.

Во-вторых, для Губанова Пастернак видится как вынужденный дачник, пишущий в Переделкине прозу, отражающую духовный путь всего двадцатого века. Развивая мандельштамовское «Дайте Тютчеву стрекозу – / Догадайтесь почему» Губанов пишет стихотворение «Дай монаху день мохнатый...» (в современных изданиях оно даётся под названием «Молитва. 1968-й год. Кунцево»), где появляются строчки:

Дай закату три зарплаты,
Домовому – треск колоды,
Пастернаку – злость лопаты
В облигациях уroda...
Ну а мне дай мужество –
Никогда не оглядываться!..

Здесь Пастернак сопрягается не только с Мандельштамом, но и с Маяковским, у которого в стихотворении «Я» (1913) век проявляется как уродец*: «Время! / Хоть ты, хромой богомаз, / лик намалой мой / в божницу уродца века!»

Сам же лирический герой, за которым виднеется автор, просит о мужестве. Дело в том, что после шумных литературных и диссидентских акций СМОГа за Губановым началась слезка. Мемуаристы вспоминают, что у дома в Кунцево, на литературных собраниях, на творческих вечерах, в поездках (в том числе и при посещении могилы Пастернака) легко можно было распознать сотрудников в штатском. Мужество «никогда не оглядываться» и жить, как будто вопрошая «Какое, милые, у нас / Тысячелетье на дворе?» – вот что было необходимо смогисту**.

В творческом наследии Губанова насчитывается как минимум девять стихотворений, где были упоминания Пастернака, посвящения ему, реминисценции и аллюзии на его тексты и эпитафии из них. Из неназванных выше стоит отметить «Двадцать восемь строчек Борису Пастернаку», «Темпераментная темпера» (посвящено Пастернаку); «Сорока церквей не строил» (с эпитафией из Пастернака); «Подражание Игорю Северянину» (с упоминанием Переделкина), а также поэмы «Мой сад» (1964) и «Разговор с катафалком».

Как мы видим, это были не прямые отношения двух поэтов, но полное погружение Губанова в историко-культурный контекст, чтение пастернаковских текстов (в том числе в рукописях), жизнь в Переделкине, общение с родными поэта. И как итог всего этого – вдохновение. Это ли не счастье и не сопряжение судеб?

* Андрей Журбин видит ситуацию иначе: «Как и в лермонтовской “Смерти Поэта”, гибель адресата сводится не к конкретному убийце (образ палачей скорее обобщенный), но является следствием противостояния обществу, “веку-волкодаву”, при этом помимо скорби присутствует и обличение». Подробнее см.: Журбин А.А. Отраженья зеркальных осколков: заметки о жизнотворчестве Губанова. – Астрахань: ГП АО «ИПК “Волга”», 2013. – С. 51.

** Владимир Алейников вспоминает один странный эпизод, когда Льва Озерова в мае 1965 года как раз-таки приняли за человека в штатском: «...собрался народ в Переделкине, на кладбище местном, тихом, заросшем цветами и травами, пронизанном птичьими трелями и солнечными лучами, на могиле здесь похороненного пять лет назад Пастернака. Приехали в Переделкино, конечно, и мы, смогисты. Стал Губанов читать стихи. И тут налетел на него разъяренный вконец Лев Озеров: “Прекратите сейчас же это вопиющее безобразие! Очистить немедленно требую это священное место!” – кричал он, сверкая очками, а с тыла его прикрывали две разодетые в пух и прах упитанные, холеные, с браслетами и перстнями, столичные важные дамы. И тогда на передний план вышел стоявший ранее в сторонке, не очень приметный, худенький старичок. И сказал повелительно Озерову: “А ну, замолчите! Хватит! Знаем мы вас хорошо. Знаем, кто вы такой. Можем и рассказать, принародно, чтоб все услышали, что конкретно о вас мы знаем. Не мешайте поэтам читать стихи. Пастернаку это понравилось бы. И людям, собравшимся здесь, стихи нравятся, без сомнения. Ну а вы – уходите. Немедленно”. И сразу же стушевавшийся, замолчавший, поджавшийся Озеров, сопровождаемый дамами упитанными, защитницами, с тыла его прикрывающими, быстро слинял с кладбища. Народ, наблюдавший это, аплодировал старичку». – Подробнее см.: Алейников В.Д. СМОГ // Собрание сочинений в восьми томах. – М.: Рипол-Классик, 2015. – Т. 6. С. 268.